

⁶ Так, например, соотношение между вопросом и ответом в системе образования проследил Э. Фромм. Правда, он не занимался методическим исследованием проблемы. Ему это надо для различения двух способов существования — обладания и бытия. Обладание в системе образования для Фромма характеризуется через пассивность, запоминание ответов, отсутствие творчества. Бытие же, наоборот, — это собственные вопросы, новые идеи и как результат — развитие самого человека. В частности, при чтении книг на философские и исторические темы важно, как считал Фромм, научиться «мысленно беседовать о философии, обращаться к ним с вопросами» (Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 43).

⁷ Бухарин Н. И. Теория исторического материализма. М.—Л., 1928. С. 6.

Докритический Кант о взаимоотношениях двух родов противоположностей

Ю. К. Протопопов

(Калининградский государственный университет)

На наш взгляд, именно И. Канту (а не Гегелю) принадлежит приоритет в открытии закона, который впоследствии стал известен как закон единства и борьбы противоположностей. Эти мысли Канта изложены в работе «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин» (опубликована в 1763 г.), значение которой далеко выходит за пределы только философского анализа роли отрицательных величин в математике. Кант вводит понятия о двух родах противоположностей: логической и реальной. «Если одно упраздняет то, что другое полагает,— пишет Кант,— то они противоположны друг другу. Эта противоположность может быть двоякой: или *логической*, через противоречие, или *реальной*, т. е. без противоречия» (2, 85). Необходимо подчеркнуть, что здесь Кант использует термин и понятие «противоречие» только в формально-логическом смысле. Указывая на это, Кант замечает: «До сих пор обращали внимание только на противоположность первого рода, т. е. на логическую. Она состоит в том, что относительно одной и той же вещи нечто одновременно и утверждается и отрицается. Следствие такого логического соединения есть *ничто*..., как гласит закон противоречия» (2, 85).

Принципиальное значение имеет открытие И. Кантом противоположности иного, по сравнению с логической, рода, *реальной* противоположности, которая не может характеризоваться формально-логическим противоречием. Определяя реальную противоположность, Кант, по сути дела, высказывает идею диалектического противоречия как отношения между реальными противоположностями. «Противоположность второго рода — реальная,— пишет Кант,— состоит в том, что два предиката одной и той же вещи противоположны, но не по закону противоречия. Здесь также одно упраздняет то, что другое полагает; однако следствие [здесь] *нечто*. Сила, движущая

тело в одну сторону, и равное стремление того же тела в противоположном направлении не противоречат друг другу и в качестве предикатов возможны в одном и том же теле одновременно. Следствие этого — покой, который есть нечто представимое» (2, 85); «...мы имеем здесь истинную противоположность, ибо то, что полагается одним стремлением,... упраздняется другим и оба они истинные предикаты одной и той же вещи, присущие ей одновременно» (2, 85—86). Поясняя свое понимание реальной противоположности, Кант замечает: «Когда речь идет о логической несовместимости, то имеют в виду только то отношение, которым два предиката вещи в силу противоречия упраздняют друг друга и свои следствия. Но какой именно из обоих предикатов действительно утвердительный и какой действительно отрицательный — это здесь безразлично. Например, быть одновременно темным и нетемным в одном и том же смысле будет в одном и том же субъекте противоречием... Реальная несовместимость также основывается на взаимном отношении двух предикатов одной и той же вещи, но противоположности эта совсем иного рода... оба предиката — А и В — утвердительны» (2, 86).

Опираясь на свое понимание двух родов противоположностей, Кант различает два типа отрицания: отрицание как *лишение* и отрицание как *отсутствие*. «Отрицание, — пишет Кант, — если оно следствие реальной противоположности, я буду называть *лишением*; всякое же отрицание, если оно не результат такого рода противоположности, будет здесь обозначаться как *отсутствие*. Для такого отрицания требуется не положительное основание, а лишь его отсутствие; первое же отрицание имеет действительное основание полагания, а также равное ему противоположное основание. Покой тела есть или просто отсутствие, т. е. отрицание, движения, если [в нем] нет движущей силы, или лишение, если движущая сила, правда, имеется, но следствие, а именно движение, устраняется противоположной силой» (2, 93). Методологическое значение имеют положения Канта, по существу выражающие ту идею, что взаимодействие, столкновение реальных противоположностей и является источником всех изменений, всякого движения в природе и в духовной деятельности человека. «Но я утверждаю, — подчеркивает Кант, — что если возникает А, то при естественном изменении мира должно возникнуть и — А, т. е. не может быть такого естественного основания какого-либо реального следствия, которое в то же время не было бы основанием некоторого другого следствия, представляющего собой отрицание первого следствия» (2, 111); «в мире никогда не может произойти естественным путем какое-либо изменение, следствие которого в общем не состояло бы в действительной или потенциальной противоположности, самое себя упраздняющей» (2, 112); «Кроме того, в этом столкновении противоположных

реальных оснований как раз и состоит совершенство мира вообще, равно как и закономерный ход материальной части его совершенно очевидно поддерживается только борьбой [этих] сил» (2, 116).

Кант применяет эти положения и к «немеханическим изменениям, как, например, к изменениям, происходящим в нашей душе или вообще зависящим от нее...» (2, 113). Развивая свое учение о двух родах противоположностей, И. Кант высказывает много диалектических идей, анализируя примеры из математики, логики, механики, психологии, морали. Эти мысли Канта, обладая исторической ценностью, весьма актуально звучат и в наше время.

Приведем некоторые высказывания И. Канта о взаимообусловленности реальных противоположностей: «Давно известно, что магнитные тела имеют два противоположных друг другу конца, называемых полюсами» (2, 101); «Природа не знает никакого абсолютного холода, и если о нем говорят, то его понимают лишь в относительном смысле» (2, 100); «Например, падение отличается от подъема не только так, как *non* а от *a*, но представляет собой нечто столь же положительное, как и подъем, и лишь в соединении с ним дает основание для некоторого отрицания. Ведь ясно, что, поскольку здесь все дело в отношении противоположности, постольку я с одинаковым правом могу нисхождение назвать отрицательным восхождением, а восхождение — отрицательным нисхождением» (2, 90); «всякое исчезновение есть отрицательное возникновение» (2, 105).

В математике: «никакую величину нельзя назвать безусловно отрицательной, а следует сказать, что $+a$ и $-a$ представляют собой отрицательные величины по отношению друг к другу... Необходимо, однако, в самом выражении дать понять, что один из [членов] противоположности не есть противоречительная противоположность другого и что если этот последний есть нечто положительное, то и первый не есть простое отрицание его, а, как мы это скоро увидим, противостоит ему как нечто утверждающее» (2, 88—89).

В логике: «Ошибки суть отрицательные истины (не следует смешивать это с истинностью отрицательных суждений), опровержение есть отрицательное доказательство» (2, 97).

В психологии: «Возьмем пример из психологии. Вот такой: есть ли неудовольствие лишь отсутствие удовольствия или оно основание для лишения его, основание, которое, правда, само по себе есть нечто положительное, а не только противоречащая удовольствию противоположность, но которое противоположно ему в реальном смысле, и, следовательно, можно ли неудовольствие назвать *отрицательным удовольствием*? Внутреннее чувство сразу подсказывает, что неудовольствие есть нечто большее, чем простое отрицание» (2, 94—95); «отвра-

щение можно назвать отрицательным желанием, ненависть — отрицательной любовью... Можно было бы подумать, что все это только пустая игра словами... Ошибка, в которую впадают многие философы, пренебрегая этим, очевидна. Известно, что в большинстве случаев они рассматривают зло как простое отрицание, между тем как из наших объяснений явствует, что существует зло как отсутствие и зло как лишение», второе «гораздо большее, чем первое» (2, 97); «Неразумное животное не совершает никаких добродетельных деяний. Это упущение не есть, однако, порок, ведь здесь не нарушается внутренний закон» (2, 98). Большой интерес представляет следующая мысль Канта: «По нашим же понятиям, реальное основание никогда не может быть логическим основанием и дождь определяется ветром не по закону тождества. Рассмотренное нами выше различие между логической и реальной противоположностью аналогично только что указанному различию между логическим и реальным основанием» (2, 122). Подводя итог своим размышлениям, Кант указывает на четыре признака реального противоположения: «Противоречащие друг другу определения должны, во-первых, принадлежать одному и тому же субъекту. В самом деле, допустим, что в одной вещи имеется одно определение, а любое другое — в другой; в таком случае отсюда не произойдет никакого действительного противоположения. Во-вторых, одно из противостоящих друг другу определений при реальном противоположении не может быть контрадикторной противоположностью другого, ибо тогда противоречие было бы логическим и, как было показано выше, невозможным. В-третьих, определение может отрицать только то, что полагается другим определением... В-четвертых, эти определения, если они противоречат друг другу, не могут быть оба отрицательными, ибо в этом случае ни одно из них не полагало бы того, что устранялось бы другими. Поэтому в каждом реальном противоположении оба предиката должны быть положительными, но так, чтобы при их соединении следствия их устраняли друг друга в одном и том же субъекте» (2, 91). Таким образом, хотя Кант и не вводит термины «диалектическое противоречие», «диалектическая противоположность», сущность закона как утверждения необходимости взаимоотношения, взаимодействия между диалектическими противоположностями в природе, в познании, в духовной деятельности человека выражена Кантом достаточно определенно. В заключение хотелось бы обратить внимание на тот удивительный факт, что Гегель, много сделавший для развития взглядов на соотношение диалектических противоположностей, нигде не упоминает имени Канта в связи с открытием данного закона. В то же время Гегель во многом повторяет путь, пройденный Кантом. Гегель использует те же доводы, те же примеры из математики, логики, механики, психологии, морали. Например,

Гегель пишет: «Обыкновенно думают, что в различии между положительным и отрицательным мы имеем абсолютное различие. Они оба, однако, в себе одно и то же, и можно было бы поэтому назвать положительное также и отрицательным... Положительное и отрицательное, следовательно, существенно обуславливаются друг другом и существуют лишь в своем отношении друг с другом. Северный полюс магнита невозможен без южного и южный — без северного... То обстоятельство, что новейшее естествознание пришло к признанию, что противоположность воспринимается нами... в магнетизме как полярность, проходит красной нитью через всю природу, есть всеобщий закон природы, мы, без сомнения, должны признать существенным шагом вперед в науке»¹. Впервые в науке этот шаг был осуществлен И. Кантом.

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1. С. 278—279.

И. КАНТ

Об одном открытии, после которого всякая новая критика чистого разума становится излишней ввиду наличия прежней (Против Эберхарда)

Господин Эберхард сделал открытие, состоящее, как о том сообщает его философский журнал (выпуск первый, стр. 289), в следующем: «Философия Лейбница содержит точно такую же критику разума, как и новая, причем она тем не менее вводит догматизм, основанный на точном разделении способностей познания, следовательно, содержит всю истину последнего и, даже более того, расширяет область рассудка».

Как же случилось, что никто много ранее не смог усмотреть ее в философии этого великого человека и ее дочери — философии Вольфа, он, правда, не объясняет; между тем сколь много открытий, считающихся новыми, и с какой ясностью находят теперешние ловкие интерпретаторы у древних после того, как им укажут, где им следует искать.

Относительно неудачного притязания, однако, на открытие еще куда бы ни шло, если бы прежняя критика не была бы по своим результатам полной противоположностью новой. Ибо в этом случае аргумент от стыдливости (как его называет Локк), которым предусмотрительно пользуется Эберхард из боязни, что его собственные могут быть недостаточны (правда, иногда, как на стр. 298, с искажением смысла слов), был бы большим препятствием для усвоения последней. Однако